

УДК 94(470.51)

А. А. Туранов

**К ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА ХРИСТИАНСКИХ ТЕКСТОВ
НА УДМУРТСКИЙ ЯЗЫК В ГЛАЗОВСКОМ УЕЗДЕ
ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1803 г.**

В статье рассмотрена история создания первых переводов христианских вероучительных текстов и молитв на удмуртском языке в Глазовском уезде Вятской губернии. Привлечение к исследованию архивных документов из фондов Вятской духовной консистории и Глазовского духовного правления позволило автору подробно – хронологически точно и обстоятельно – описать процесс создания переводов, установить переводчиков конкретных текстов. Выясняется, в частности, что на начальном этапе желающих добровольно заниматься составлением переводов среди духовенства Глазовского уезда не нашлось, поэтому духовное правление обратилось к понудительным мерам и само назначило переводчиков из числа священнослужителей, знающих удмуртский язык, предписав им явиться для перевода в Глазов. Первый перевод был выполнен сообщами священниками Н. Невоструевым, З. Кротовым, С. Анисимовым и А. Бабайловым с опережением событий – ещё до получения из консистории перечня назначенных к переводу текстов. После получения перечня перевод недостающих текстов выполнялся теми же лицами в индивидуальном порядке, но своевременно прислал свой перевод в Глазовское правление лишь один из переводчиков – А. Бабайлов. В начале июля переводы из Глазова были отосланы в Вятку. В духовной консистории переводы были сверены и переписаны начисто. В результате в Синод был представлен перевод, составленный из двух частей, одна из которых выполнена четырьмя священниками сообщами, а другая – А. Бабайловым. Изучение обстоятельств создания перевода позволило осветить вопросы, остававшиеся невыясненными более ста лет, и выявить новые, ранее неизвестные факты. Была обнаружена и неизвестная рукопись перевода двух текстов, считавшихся непереуведенными.

Ключевые слова: удмуртский перевод, удмуртский язык, христианские тексты, молитва, Символ веры, катехизис, священник, переводчик, рукопись, Вятская епархия, Глазовский уезд.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-102-115

Попытки изучения удмуртского языка предпринимались в России с первой половины XVIII в. Однако общее количество известных работ, выполненных в XVIII в., содержащих сведения об удмуртском языке, невелико и составляет около двух десятков. В основном, это словари, и только два небольших связных текста в стихотворной форме в честь Екатерины II (1767) и в честь открытия Казанского наместничества (1781) [Каракулов 2006, 118–124].

Ситуация начинает меняться уже в начале XIX в. Так, в 1801 г. была составлена торжественная речь на удмуртском языке по случаю коронации Александра I [Чураков 2016, 374]. А спустя несколько лет, в 1803–1806 гг., появляется значительное количество переводов на удмуртский язык полутора десятков христианских вероучительных текстов и молитв, исполненных различными лицами в разных губерниях [Ильминский 1885, 285–302], [Камитова 2017, 73–76].

Создание переводов религиозных текстов было санкционировано на высшем уровне и обусловлено возникшей в Поволжье тенденцией перехода крещеных татар в мусульманство. Правительство приняло меры к утверждению в православной вере народов, проживавших в европейской части России и в Сибири, в числе которых предлагалось осуществить переводы на ряд «инородческих» языков катехизиса, Символа веры, десятословия и некоторых молитв и отпечатать их для использования духовенством в практической деятельности. 22 января 1803 г. Святейшим Синодом были посланы указы двенадцати епархиальным архиереям о переводе текстов «на татарский, мордовский, чувашский, черемисский, вотяцкий и корельский языки <...> по обитанию сих народов во вверенных им епархиях» и присылке переводов в Синод [Ильминский 1885, 91–95].

В результате исполнения этого указа переводы на удмуртский язык поступили в Синод из двух епархий: Оренбургской и Вятской. Они были рассмотрены в конце ноября – начале декабря 1803 г., однако ни тот, ни другой в свое время напечатаны не были [Ильминский 1885, 142–143].

В последней четверти XIX в. переводы, сохранившиеся в синодальном архиве, исследовал ученый-востоковед Н. И. Ильминский и с научными целями впервые опубликовал в 1885 г. в работе «Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия» [Ильминский 1885].

В начале XX в. к изучению истории переводов религиозных текстов на удмуртский язык обращался П. Н. Луппов, опубликовавший результаты своего исследования в работах «О первых вятских переводах источников христианского просвещения» [Луппов 1905] и «Христианство у вотяков в первой половине XIX в.» [Луппов 1911]. Однако о переводах 1803 г. к материалам Ильминского он добавил мало существенного: по-видимому, Ильминский из дел синодального архива извлек максимум возможной информации.

Вместе с тем, книги Ильминского и Луппова, давая общее представление об удмуртских переводах, исполненных в 1803 г., отнюдь не исчерпывают полностью тему их создания, а поставленные ими вопросы по сей день не нашли решения в современной науке¹. Так, остаются нерешенными вопросы организации и осуществления переводов на местах; не определен порядок выбора текстов для перевода; не установлено авторство перевода конкретных текстов; сведения о переводчиках очень скупы и др. Это обусловлено, очевидно, отсутствием подробной информации в делах архива Синода. Необходимые сведения следует искать в документах тех епархий, где переводы были выполнены.

В настоящей статье автор останавливает внимание на удмуртском переводе, поступившем в Синод из Вятской епархии, выполненном в Глазовском уезде, и дает ответы на вопросы, не проясненные предшественниками. С этой целью история создания перевода исследована и подробно освещена на основе вятских источников – делопроизводственных документов духовного ведомства, содержащих наиболее полную информацию по рассматриваемой теме. К исследованию привлекаются материалы, хранящиеся в Центральном Государственном Архиве Кировской области (далее – ЦГАКО) и Центральном Государственном Архиве Удмуртской республики (далее – ЦГА УР).

История создания удмуртских переводов в Глазовском уезде

Итак, 22 января 1803 г. Святейший Синод разослал указы о переводе «на инородческие языки» вероучительных текстов и молитв. Такой указ послан был и Вятскому епископу Амвросию. В Вятке он был получен 11 февраля 1803 г. [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 87]. Эту дату и можно считать началом работы по созданию переводов в Вятской епархии.

С резолюцией архиерея: «По сему указу репортовать и чинить исполнение как должно»,² – указ был передан в Вятскую духовную консисторию и заслушан в присутствии 23 февраля

¹ В XX – начале XXI вв. исследователи лишь обозначали знакомство с темой, пересказывая работы Ильминского и Луппова и ссылаясь на них. Непосредственно к исследованию переводов молитвы «Отче наш» уже в XXI в. обратилась филолог А. В. Камитова, см.: [Камитова 2017, 64–78]

² Здесь и далее в цитатах из архивных источников сохранена орфография и пунктуация оригинала.

[ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 31. Л. 75]. Консистория постановила предписать указами духовным правлениям с «инородческим» населением *«учинить выpravку: нет ли в ведомстве их из священнослужителей таких, кои бы искусно знали прописанные в указе языки, и с российского на оныя перевести могли Символ веры и церковныя молитвы? И в консисторию в самой скорости репортовать, с объяснением оных священнослужителей»* [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 87 об.]. В тот же день, 23 февраля 1803 г., такой указ за № 271 был отправлен в Глазовское духовное правление.

В Глазове указ консистории был получен 26 февраля и в тот же день заслушан в присутствии правления [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 333. Л. 6 об.–7]. А 28 февраля из духовного правления были посланы соответствующие указы всем благочинным иереям уезда с требованием исполнить и рапортовать *«в самой скорости»* [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 9. Л. 326–326 об.].

Рапорты об исполнении указа от благочинных поступили во второй половине марта. Уканский благочинный иерей Никифор Невоструев 15 марта рапортовал правлению: *«...во исполнение онаго указа мною выправка чинена; но в ведомстве моем из священноцерковнослужителей таковых, кои бы искусно знали прописанные во оном указе языки и с российского на оныя перевести могли Символ веры и церковныя молитвы, не оказалось»* [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 99]. 16 марта в правлении получен рапорт Понинского благочинного иерея Ефима Овчинникова, в котором сообщалось: *«...справка о переводе молитв с российского языка на отяцкой в ведомстве моем учинена: но знающих отяцкой язык не оказалось»* [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 95]. Несколько задержался с рапортом Поломский благочинный иерей Антипа Терентьев, сообщив 26 марта: *«...в ведомстве моего благочиния в состоящих селах таковых [и] искусно знающих с российского языка на прописанные языки ни кого из священно и церковнослужителей не отыскалось в чем они своими показаниями присланными ко мне утвердили, кроме сел Зятцинскаго Христорождественской и Юкаменскаго Богоявленской церковей, которых священно и церковнослужители ни какого об оном объяснения не подали»* [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 100].

Из-за отсутствия сведений из двух указанных сел дело несколько затянулось: не давшие ответа священники были вызваны для объяснений в духовное правление, где по прибытии также заявили о своей неспособности к переводам [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 101–101 об.]. Лишь 25 апреля [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 333. Л. 6 об.], собрав все сведения о готовности священнослужителей заняться переводами, Глазовское духовное правление рапортовало консистории на указ № 271, что *«таковых священнослужителей кои бы искусно знали прописанные языки и с российского на оныя перевести могли Символ веры и церковныя молитвы не оказалось»* [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 89–89 об.].

Между тем, уже 23 апреля в Глазовском духовном правлении был получен «дубликатный» указ консистории от 21 апреля под № 702, полностью повторяющий указ № 271 [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 88–88 об.]. В тот же день указ был рассмотрен в присутствии правления. В правлении, очевидно, имелись сведения о том, что некоторые священнослужители в какой-то степени удмуртским языком всё же владеют. И если они не готовы переводить самостоятельно, то, может быть, смогут сделать это сообща? В этих условиях присутствующие правления Преображенского собора протоиерей Афанасий Шкляев и иерей Савва Анисимов приняли решение действовать понудительным порядком, приказав: *«...как по объявлении перваго указа никого из подведомственных Глазовскому духовному правлению священнослужителей желающих предписанное перевести на вотской язык не открылось, для того знающих оной язык священников и дьяконов из разных вотских сел человек до десяти вытребовать в правление, и велеть что б они Символ веры, десятословие, катихизис, и некоторыя молитвы, переводили непременно с российского на вотской язык в городе Глазове соборне, дабы тем удобнее можно было избежать погрешностей в переводе и усовершенствовать оной тем, чтоб всякой вотяк переведенное понимал на своем языке ясно»*. Рапорт о получении указа № 702 был отправлен

в консисторию также 25 апреля [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 333. Л. 59–59 об.]; этим же рапортом, очевидно, было сообщено и о предпринимаемых к переводу мерах³.

Для исполнения принятого решения 25 апреля правлением дьячку Глазовского Преображенского собора Андрею Спицыну было дано наставление, которым приказано ехать в села, указанные в приложенном расписании, *«и священникам и диаконам в том же росписании именованным объявить с подписками, чтоб они следующего мая к десятому числу явились для перевода с российского на вотской язык Символа, десятословия, и некоторых молитв в сие правление»* [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 90]. Всего к переводам вызывались девять человек: благочинный иерей Никифор Невоструев (с. Укан), священники Захария Кротов (с. Елово), Евстафий Тронин и Стефан Анисимов (с. Балезино), Алексей Бабайлов (с. Полом), Аника Мултановский (с. Мултан), диаконы Порфирий Зонов (с. Мултан), Нестер Семенов (с. Зятцы) и Максим Капачинский (с. Зон) [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 94]. Кроме того, было направлено сообщение в Вятское семинарское правление с просьбой о присылке *«из Семинарской библиотеки грамматики вотяцкаго языка для руководства в переводе на сей язык некоторых молитв, Символа и Десятословия»* [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 33. Л. 21].

Следует заметить, что инициированный духовным правлением сбор священнослужителей в Глазове для осуществления перевода вряд ли был правомерным, поскольку священнослужители на некоторое время отлучались от исполнения своих непосредственных обязанностей в приходах. Вероятно, не нашло согласия это решение у священнослужителей дальних сел – Зона, Мултана и Зятцев: и в благоприятных условиях дорога до Глазова занимала у них несколько дней, а по весенней распутице могла затянуться надолго, превращаясь в серьезное испытание. Не встретило поддержки это решение и в консистории.

Как бы то ни было, но в духовное правление к переводам явились только четыре священника из ближайших к Глазову сел – Н. Невоструев, З. Кротов, С. Анисимов и А. Бабайлов. Уровень образования прибывших сильно различался. Трое первых обучались в семинарии: Невоструев имел полное семинарское образование [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1053. Л. 159 об.]; Анисимов *«вышел из богословии кою слушал три месяца»* [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1053. Л. 124 об.]; Кротов дошёл *«до риторики»* [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1053. Л. 136 об.]. Бабайлов же в семинарии не был, а учился дома [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1053. Л. 129 об.].

Священники занимались переводами, вероятно, начиная с 10 мая, несколько дней. Результатом их совместной работы стал первый перевод нескольких текстов. Рукопись перевода была представлена духовному правлению с рапортом Н. Невоструева, в котором он кратко перечисляет переведенные тексты, *«а имянно: молитва пред начатием всякаго дела царю небесный до помилуй мя боже Символ веры и весь краткий катихизис с истолкованиями десятословия»* [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 92].

Обратим внимание, что первые присланные из консистории указы предписывали лишь выяснить наличие лиц, способных к переводу, и в них не было указано, какие именно молитвы и какой катихизис следовало переводить⁴. Очевидно, приступая к переводам, их создатели ориентировались на издавна существовавшие правила, предписывавшие обучать прихожан *«знанию Закона Божия Символа веры и протчих приличных простолюдином молитв»* [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 10. Л. 11], из которых в начале XIX в. обычно назывались *«Отче наш»* и *«Богородице дево»* [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 21. Л. 153, 157, 172, 181 об., 183 об.]. А поскольку переводы предназначались для утверждения в вере «новокрещенных», то, вероятно, имелись в виду и те общеупотребительные молитвы, которым следовало обучать желающих воспринять православную веру перед крещением. Эти молитвы священникам были хорошо известны; количество их невелико, и состав «типового набора» примерно одинаков

³ Отсылка в один день двух рапортов по одному и тому же делу обусловлена правилами делопроизводства: каждый указ требовал отдельного рапорта – объединять в одном рапорты на указы, присланные в разное время и под разными номерами, не допускалось.

⁴ Н. И. Ильминский отмечает, что не было точных указаний о текстах для перевода и в указе Святейшего Синода [Ильминский 1885, 142].

для всех епархий. Поэтому выбор молитв для перевода священники сделали без затруднений по своему усмотрению.

Рапорт с исполненным переводом был представлен благочинным Н. Невоструевым в Глазовское духовное правление, вероятно, в середине мая (дата составления в рапорте не указана). Однако ни в мае, ни в июне этот первый «коллективный» перевод, выполненный раньше времени, в консисторию отправлен не был. По-видимому, это связано с вновь поступившими из консистории указаниями, потребовавшими его доработки.

18 мая 1803 г. Вятская консистория послала в Глазовское духовное правление указ за № 862, в котором был приведен перечень религиозных текстов для перевода. Указом предписывалось «перевести как Символ веры, десятиглаголие и Краткий Катихизис, так и молитвы, а именно: молитвами Святых Отец наших, Святой Боже, Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, Пресвятая Троице, Господи помилуй, Отче наш, и потом тропари: вставше от сна припадаем ти блаже, от одра и сна воздвигл мя еси Господи, напрасно судия приидет, молитвы: утреннюю, от сна восстав благодарю тя Святая Троице, вечернюю, даждь нам Владыко на сон грядущим, Богородице дева радуйся, и молитвы пред обедом и после обеда и Помилуй мя Боже» [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 33. Л. 20]. Приказано было опросить способных к переводу священнослужителей: «не согласятся ли они Символ веры и прочее вышепрописанное на вотяцкой язык перевести вместе, или разобрать порознь с объяснением, кто что именно возмет, или кто один не согласится ли перевести все вышеозначенное, объявив им священнослужителям, что труды их без должной награды не останутся». Требовалось также справиться в подведомственных местах, «нет ли где таковых молитв на означенный язык уже переведенных и репортовать в Консисторию обстоятельно в самой скорости, приложив при том, ежели окажутся, переведенные молитвы». Кроме того, Глазовскому духовному правлению особо было указано «дабы оно священнослужителей для перевода соборне в Глазов не забирало» [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 33. Л. 20 об.].

В Глазовском духовном правлении этот указ был получен и выслушан в присутствии 21 мая, после чего приказано было «исполнение по оному чинить во всей точности, с возможным поспешанием» [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 333. Л. 63 об.]. Уже исполненный «коллективный» перевод был сопоставлен с присланным перечнем текстов для перевода, обнаружилась необходимость его дополнения. Поэтому 3 июня правление направило соответствующие указы участвовавшим уже в переводе священникам с предложением «сверх прежняго перевода еще недокончанное и консисторию требуемое перевести» [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 33. Л. 92].

Кроме того, 21 мая в Глазове была получена «грамматика вотяцкаго языка», присланная из семинарского правления для руководства в переводах [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 333. Л. 63 об.]. Каких-либо указаний, воспользовались ли этой грамматикой переводчики, не обнаружено, однако «по ненадобности более» она возвращена была в семинарское правление лишь в августе следующего 1804 г.⁵ [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 33. Л. 22].

Первым в исполнении нового указа оказался священник с. Полом Алексей Бабайлов. Получив указ 9 июня, уже к 12 июня он перевел некоторые из молитв и отослал в духовное правление. Этот новый перевод был получен в Глазове 17 июня; священник пояснял в сопроводительном письме: «поелику в далном разъстаянии от своих собратиев о прибаве перевода кто что возмет по сие время известия ни какого не получил, то осмелился перевест из предписанных молитв несколько; а именно: молитвами святых отец наших, вставше от сна; от одра и сна; напрасно судия приидет; от сна восстав; молитвы же пред обедом очи всех на тя уповают Господи; и после обеда благодарю тя Христе боже мой» [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 33. Л. 92]. 18 июня объяснение Бабайлова было заслушано в присутствии правления. Перевод же, по его рассмотрению, приказано было отослать обратно к Бабайлову «с признательностию, что его труды достохвальны и честны; и с предписанием чтоб он перевод тот переписал на-

⁵ Если предположить, что речь идет о рукописной грамматике М. Мышкина, то именно в это время с ней впервые мог ознакомиться З. Кротов, использовавший ее в качестве основы при составлении собственной грамматики в 1816 г. [Чураков 2016, 375].

бело или сам, или посредством кого-либо другого формально и прислал бы в правление за подписом своим без дальнего упущения времени» [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 333. Л. 13 об.]. Вероятно, оформление этого перевода не соответствовало ранее выполненному, и предлагалось привести его к единой форме. Впрочем, судя по приведенному тексту сопроводительного письма А. Бабайлова, в переводе могли иметь место и орфографические ошибки. Однако каких-либо подтверждений, что перевод к Бабайлову действительно отсылался и был переписан набело, не обнаружено, в журнале правления есть отметка лишь об его отсылке в консисторию.

Остальные переводчики медлили с исполнением указа о дополнительном переводе молитв. А время шло...

30 июня консистория направила в Глазовское духовное правление «дубликатный» указ за № 1108, содержание которого повторяло указ № 862 [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 33. Л. 91–91об.]. В присутствии правления этот указ был выслушан 9 июля, во исполнение его было приказано: «каковы знающими вотской язык священниками некоторые переводы учинены, и в правление доставлены; таковые в консисторию послать при особых репортах с потребными объяснениями немедленно» [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 333. Л. 19 об.].

Переводы были отосланы в Вятскую консисторию 11 июля при двух рапортах: один из них ссылался на указ № 702 от 21 апреля, с ним был представлен перевод, выполненный священниками сообща в середине мая [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 97–98]; другой – на указ № 862 от 18 мая, с ним пересылался «во оригинале» перевод А. Бабайлова [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 96]. 17 июля рапорты были получены в Вятке и заслушаны в присутствии духовной консистории [ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 31. Л. 332 об.], после чего переводы оставили в канцелярии на хранение до поступления переводов из других уездов.

Лишь 10 сентября, после получения из Яранского духовного правления переводов на марийский язык, присутствие консистории распорядилось представить доклад со всеми переводами на рассмотрение Преосвященному Амвросию [ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 31. Л. 419], что и было исполнено 18 сентября [ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 31. Л. 449]. Просмотрев переводы, архипастырь нашел многие недостатки; в частности, он отметил, что «*онные переводы оказались иные написаны худым и против правил грамматики и орфографии ошибочным в славяно-российском языке характером, а другие с переменою самого подлинника священного текста славяно-российского*» [Ильминский 1885, 103].

Переводы были возвращены в консисторию. 24 сентября, заслушав приказание «*о переписывании Символа веры и прочаго переведенных на черемиский и вотяцкий языки по расположению порядочному под личным надзиранием присутствующих*», в консистории приступили к их исправлению [ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 31. Л. 441]. Все тексты были подвергнуты сверке и корректировке членами присутствия и переписаны набело. Работа была выполнена быстро, и «*переписанные по расположению порядочному ясным и исправным писмом с соблюдением в точности священного текста подлинника во всех*» переводы вскоре вновь с докладом были представлены еп. Амвросию [ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 31. Л. 448 об.].

Уже 26 сентября на новый доклад была получена его резолюция, предписывающая подготовить рапорт об исполнении переводов в Святейший Синод [ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 31. Л. 448 об.–449]. А 28 сентября 1803 г. все переводы – и удмуртский, и марийский – с рапортом от имени еп. Амвросия были отправлены в столицу [Ильминский 1885, 102–104].

Однако история переводов на удмуртский язык в Глазовском уезде в 1803 г. будет неполной без выяснения действий остальных трёх переводчиков. Тем более, что в научной литературе имеются упоминания о переводе священником Н. И. Невоструевым в 1803 г. аж пятидесяти псалмов⁶ [Шумилов 2001, 77] – сведения крайне интересные, но не подтвержденные ссылкой на источник. Итак, были ли предприняты какие-либо действия по указу о переводе «*сверх прежняго*» другими переводчиками?

О священнике С. Анисимове таких сведений обнаружить не удалось. Его послужной список за 1807 г. содержит запись: «*переводил с российскаго на отяцкой язык молитвы Господни*»

⁶ Пятьдесят псалмов составляют по объему треть «Псалтири».

[ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 29. Л. 889 об.], но речь здесь может идти лишь об участии в майском переводе.

Священники же Н. Невоструев и З. Кротов сообща перевели ещё два текста: «Молитву на сон грядущим» (по начальным словам — «*Даждь нам Владыко*») и «Псалом Давыдов пятидесятый» («*Помилуй мя Боже*»). Перевод этот был представлен в духовное правление, по-видимому, лишь спустя четыре месяца после соответствующего указа. Текст рукописи содержал исправления, поэтому правление направило перевод для переписки на бело дякону Василию Зубареву в с. Елово. Обрато в правление чистовик перевода был представлен Зубаревым 26 октября [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 103], а оттуда отослан в консисторию 7 ноября 1803 г. [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 102]. Поскольку ранее выполненные переводы с рапортом еп. Амвросия к этому времени уже были отосланы в Синод, то этот запоздавший перевод отправлять вдогонку, вероятно, не сочли нужным – в книге Н. И. Ильминского перевода названных текстов нет; на его отсутствие в деле синодального архива указывал и П. Н. Луппов [Луппов 1905, 7]. Оригинал перевода, исполненный Невоструевым и Кротовым и возвращенный Зубаревым в духовное правление вместе с чистовиком, остался в Глазове и сохранился до наших дней. Эта рукопись была обнаружена нами в 2018 г. в ЦГА УР в составе одного из дел Глазовского духовного правления. Описание рукописи и результаты ее исследования, а также сам текст перевода опубликованы нами в 2020 г. в журнале «Вестник угроведения» [Туранов 2020].

Каких-либо дополнительных сведений о еще сорока девяти псалмах, якобы переведенных Невоструевым, не выявлено. Но, по сути, не было и никаких поводов для этой работы: консистория требовала перевести только 50-й псалом. Но даже и он был переведен с большой задержкой, что говорит об отсутствии у священника возможности (и, вероятно, стремления) заниматься переводами. Поэтому с уверенностью можно считать, что сведения о пятидесяти переведенных псалмах явились результатом ошибочного прочтения в неназванном источнике указания на один 50-ый псалом.

К сожалению, рамки журнальной статьи не позволяют привести здесь развернутые биографии переводчиков, поэтому ограничимся лишь необходимыми справочными сведениями, отметив при этом, что ни один из переводчиков коренным носителем удмуртского языка не был.

Кротов Захария Георгиев(ич) (1747 – 1.01.1825). Сын дячка села Камешницкого Орловской округи. В семинарии обучался до риторики. В сан священника произведен в январе 1777 г. в село Елово. С 1783 г. по 1795 г. исполнял должность благочинного. Автор удмуртского словаря (1785) и грамматики (1816).

Бабайлов⁷ Алексей Феодосиев(ич) (1755 – 21.11.1831). Сын священника села Полом. В семинарии не обучался. Служил в церкви родного села причетником, затем дяконом. Здесь же в июне 1780 года рукоположен в священники.

Невоструев Никифор Сидоров(ич) (1765 – 19.01.1824). Сын священника села Укан. Окончил богословский курс Вятской семинарии. В священники рукоположен в июне 1790 г. С 1796 г. по 1806 г. исправлял должность благочинного.

Анисимов Стефан Иоаннов(ич) (1778 – 1833). Сын пономаря села Балезино. В семинарии обучался в богословии. По семейным обстоятельствам вышел из семинарии до окончания курса и в 1798 г. рукоположен в диаконы в с. Балезино, а затем, в декабре 1800 г., – в священники. С 1807 г. по 1814 г. исправлял должность благочинного.

Воссозданная выше история составления удмуртских переводов позволяет обоснованно ответить почти на все вопросы, поставленные предшественниками и остающиеся до сих пор невыясненными.

⁷ Существует два варианта написания фамилии этого священника – Бобайлов и Бабайлов. Сам он всегда подписывался как Бобайлов, однако в документах XIX в. по духовному ведомству (клировых ведомостях, рапортах, указах и проч.) обычно встречается второй вариант – Бабайлов.

Кто что переводил, и чем вызвано различие между частями перевода?

Н. И. Ильминский обратил внимание на то, что удмуртский перевод записан сначала подстрочно, а начиная с молитвы *«Господи Иисусе Христе Сыне Единородный»* – в двух столбцах: в левом – русский текст, в правом – удмуртский перевод. При этом качество перевода в этих частях резко отличается. Начало перевода, выполненное подстрочно, отличается буквальным подражанием русскому порядку слов; встречается здесь и *«несвойственное инородческим языкам согласование прилагательных имен с существительными»*. Другая часть *«имеет много хороших и правильных выражений и вообще довольно удовлетворительна по языку, хотя в общем ходе изложения и связи не совсем выдерживает свойства и законы вотяцкого языка»*. Ильминский полагает, что различие вызвано переделкой переводов в консистории: их исправление и переписка превысили знание и терпение исправителей, они не довели дело до конца. Впрочем, он допускает, что различие связано с разной степенью знания языка переводчиками [Ильминский 1885, 301–302].

Сопоставление текстов, приведенных в книге Ильминского, с названиями, указанными в рапортах Н. Невоструева и А. Бабайлова, позволяет утверждать, что первая часть, выполненная подстрочно, целиком состоит из перевода молитв, сделанного в одиночку священником А. Бабайловым. Вторая же часть, записанная в два столбца, есть не что иное, как первоначальный «коллективный» перевод, выполненный сообща священниками Н. Невоструевым, З. Кротовым, С. Анисимовым и А. Бабайловым.

Различие в оформлении переводов, вероятно, и есть та причина, по которой предполагалось вернуть Бабайлову его труд, чтобы переписать *«формально»*: возможно, переделать его по форме – в две графы – однотипно с переводом, уже имевшимся в правлении. Однако указами консистории форма представления перевода определена не была, и духовное правление, в конце концов, решило не затягивать дело пересылками и перепиской перевода, а оставило всё как есть, на усмотрение консистории.

Таким образом, качественное различие двух указанных частей перевода не связано с его переделкой в консистории, а обусловлено их исполнением разными переводчиками. О разной степени знания удмуртского языка переводчиками судить сложно: трое из священников – Невоструев, Анисимов и Бабайлов – с рождения жили среди удмуртов и могли знать язык в равной степени. Кротов же, хотя удмуртский язык постигал и не с детства, но был значительно старше своих товарищей, длительное время жил среди удмуртов и имел опыт составления удмуртско-русского словаря. Представляется, что, прежде всего, на качество перевода повлияла разница в уровне образованности переводчиков. Первая его часть была выполнена одним священником с домашним образованием, а другая – сообща четверью священниками, трое из которых имели семинарское образование, включавшее в себя и изучение иностранных языков, а значит, обладали и некоторыми навыками в составлении переводов.

Почему состав перевода не соответствует предписанному указом?

На несоответствие состава переведенных молитв предписанному указом консистории обращает внимание П. Н. Луппов [Луппов 1905, 7]. В частности, он отмечает отсутствие в переводе 50-го псалма (*«Помилуй мя Боже»*) и двух молитв *«Дажь нам, Владыко, на сон грядущим»* и *«Богородице, Дево, радуйся»*, а также наличие двух не назначенных к переводу молитв *«Приидите поклонимся»* и *«молитвы, положенной в начальных листах Евангелия перед оглавлением евангелиста Матфея»* (в рапорте Н. Невоструева она названа *«Молитва пред начатием всякаго дела»*).

«Молитва пред начатием всякаго дела» и *«Приидите поклонимся»* входят в состав перевода, выполненного священниками в середине мая. К этому времени указ с полным перечнем текстов для перевода еще не был прислан из консистории, и выбор молитв был сделан переводчиками по своему усмотрению. В тот момент они не могли предугадать, будет ли дан консисторией точный список молитв для перевода, а если будет, то сколько и какие именно молитвы туда войдут. Таким образом, перевод этих молитв есть следствие чересчур поспешных действий Глазовского духовного правления по исполнению указа о переводах.

Отсутствие в архиве Синода удмуртского перевода 50-го псалма и молитвы «*На сон грядущим*», как было показано выше, обусловлено задержкой их исполнения и поздней присылкой в Вятскую духовную консисторию. Молитва «*Богородице, Дево, радуйся*», по-видимому, переведена не была.

Почему не в полном объеме переведен катехизис?

Н. И. Ильминский, а вслед за ним и П. Н. Луппов, утверждают, что катехизис в Глазовском уезде на удмуртский язык был переведен не в полном объеме. В частности, Ильминский говорит о пропуске четырнадцати из семнадцати вопросов учения о таинствах, изложенных в катехизисе [Ильминский 1885, 300–301]. Каких-либо соображений, почему это произошло, ученые не приводят.

Однако в рапорте Н. Невоструева, с которым в духовное правление был представлен первый перевод (отрывок из которого приведен выше), говорится, что краткий катехизис переведен *весь*, т.е. без пропусков [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 92].

Так кто же прав? В поисках ответа на этот вопрос следует обратиться к текстам катехизисов, использовавшихся в Русской Православной Церкви в конце XVIII – начале XIX вв. Н. И. Ильминский считал, что оригиналом для перевода послужил «Сокращенный катехизис, для священно и церковнослужителей...» митрополита Платона [Ильминский 1885, 144–145]. В этом катехизисе учение изложено в виде вопросов и ответов. Всего в нем сорок пять вопросов, в том числе в семнадцати вопросах, с восьмого по двадцать четвертый по порядку, изложено учение о таинствах церковных [Туранов 2019, 98–99]. Именно на то, что из этих семнадцати вопросов в удмуртском переводе пропущены четырнадцать, а приведены только три: «*Что ты приемлешь через святое крещение?*», «*Для чего ты причащаешься?*» и «*Что есть покаяние?*» – и указывал Ильминский [Ильминский 1885, 300–301].

Однако отмеченные пропуски представляют собой основное отличие от предполагаемого оригинала другого катехизиса митрополита Платона, а именно «Сокращенного катехизиса, для обучения отроков», в котором содержится всего тридцать один вопрос. Остальной текст вопросов и ответов «Сокращенного катехизиса, для обучения отроков» отличается от «Сокращенного катехизиса, для священно и церковнослужителей...» незначительно, однако в опубликованном Ильминским фрагменте удмуртского перевода такие места также были выявлены. Так, например, один из вопросов о таинствах – «*Что есть покаяние?*» – в «Сокращенном катехизисе, для обучения отроков» сформулирован по-другому: «*Для чего ты должен исповедываться?*» В книге же Ильминского перевод этого вопроса на удмуртский язык соответствует именно второму варианту. Аналогичная картина наблюдается и с ответами на эти вопросы. Всё это вкупе позволяет утверждать, что именно катехизис для отроков использовался глазовскими переводчиками в качестве оригинала [Туранов 2019, 99–100].

Таким образом, в Глазовском уезде был переведен на удмуртский язык «Сокращенный катехизис, для обучения отроков» митрополита Платона. Выбор именно этого сочинения в качестве оригинала и его перевод были сделаны ещё до получения перечня текстов для перевода. Впрочем, этот катехизис вполне соответствует определению «краткий» и включает в себя десятословие с истолкованиями как составную часть, т. е. удовлетворяет требованиям консистории. Катехизис был переведен в полном объеме – как и рапортовал Н. Невоструев. Утверждения же предшественников о пропусках в переводе есть результат их ошибочного представления об использованном оригинале.

Какие исправления в текст перевода внесла консистория?

Представляя переводы в Синод, еп. Амвросий в рапорте отметил их первоначальные недостатки и сообщил, что по его распоряжению они «*с соблюдением в точности священного текста подлинника во всех исправлены и всё как в подлинном тексте, так и в переводах на вотяцкий и черемисский языки сверено во всё по надлежащему*» [Ильминский 1885, 103]. Однако ещё Н. И. Ильминский обратил внимание на то, что при правке и переписке переводов в конси-

стории были устранены ошибки в русском тексте, но сами переводы – и марийский и удмуртский – были «прилажены» к русскому тексту буквально. Он считал, что исправлявшие делали это, «сами нисколько не зная языка, а быть может, желая, хотя внешним видом удовлетворить преосвященнаго» [Ильминский 1885, 282–283, 301].

Можно ли сейчас уточнить, какие именно тексты из перевода на удмуртский язык, и в каком объеме были исправлены в консистории? При отсутствии подлинников перевода говорить об этом с полной определенностью, конечно, не приходится. Однако некоторые соображения позволяют наметить путь к ответу на этот вопрос.

Первое, что следует принять во внимание, это то, что замечания относительно качества представленных переводов были сделаны еп. Амвросием лишь на основании просмотра «славяно-российского» текста рукописей; напрямую судить о качестве удмуртского и марийского переводов он не имел возможности по незнанию этих языков⁸. Вероятно, и указания о необходимости сверки и правки относились, в первую очередь, к тексту «славяно-российскому», ведь только этот текст и мог быть сверен и исправлен по «правилам грамматики и орфографии» и «с соблюдением в точности священнаго текста подлинника». Тексты на удмуртском и марийском языках сверять было фактически не с чем.

Сверкой текстов занимались присутствующие консистории, которых было трое: Успенского Трифонова монастыря архимандрит Мисаил, кафедрального Троицкого собора протоиерей Евсигней⁹ и Богоявленского собора протоиерей Гавриил¹⁰ [ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 31. Л. 448 об.]. Переписка была поручена двум повытчикам – Лошкину и Резанову [ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 31. Л. 441]. Сведений, указывающих на знание ими удмуртского или марийского языков, нами не обнаружено. И вероятность этого мала, поскольку среди духовенства количество знающих эти языки было невелико: даже в приходах с национальным населением большая часть духовенства местные языки знала недостаточно хорошо (это можно заключить из опроса, проведенного для выявления способных к переводу). Н. И. Ильминский, по-видимому, был прав, предполагая незнание языков проверяющими.

Скорость, с какой были устранены замечания, укрепляет сомнения в каком-либо серьезном исправлении переводных текстов. Суммарный объем удмуртских и марийских переводов был достаточно велик: в чистовике он составил двадцать один лист [Ильминский 1885, 104]. К тому же тексты не были просты для переписывания, так как наполовину были выполнены на удмуртском и марийском языках, писать на которых осуществлявшим правку раньше не приходилось. Тем не менее, как было показано выше, сверка и исправление текстов присутствующими консисториями и последующая их переписка набело двумя повытчиками были выполнены в кратчайший срок – за один-полтора дня, – что вряд ли было бы возможно при исправлении удмуртского и марийского текстов. Это ещё один аргумент в пользу предположения, что исправлялся только «славяно-российский» текст.

А что могло быть исправлено в русском тексте? Обратимся к замечаниям, сделанным еп. Амвросием. Из замечания «*иные написаны худым и против правил грамматики и орфографии ошибочным в славяно-российском языке характером*» ясно, что речь идет о текстах, написанных лицами с невысоким уровнем образования. Таким, например, как у А. Бабайлова. О значительном количестве допускаявшихся им ошибок можно судить даже по приведенному выше небольшому фрагменту его письма в Глазовское духовное правление. А значит, могли быть исправлены ошибки в русском тексте той части перевода, которую исполнил А. Бабайлов в одиночку.

Замечание, что некоторые переводы «*написаны с переменною самого подлинника священнаго текста славяно-российского*», наводит на мысль о возможном исправлении и удмуртско-

⁸ Еп. Амвросий на вятскую кафедру был определен в мае 1796 г. из архимандритов московского Новоспасского монастыря. Родился он в центральной России (г. Малоярославец), и вся предшествующая служба его проходила вдали от приходов с удмуртским и марийским населением. Ничто не указывает на то, что он мог владеть удмуртским или марийским языком.

⁹ Евсигней Филиппов(ич) Тукмачев (~1750 – 1813)

¹⁰ Гавриил Ильич Лопатин (~1767 – ?)

го перевода катехизиса: русский текст вопросов и ответов, выполненный по «Сокращенному катихизису, для обучения отроков», мог быть исправлен по «Сокращенному катихизису, для священно и церковнослужителей...» На это указывает тот факт, что Ильминский в своих комментариях к переводу катехизиса упоминает вопрос «*Что есть покаяние?*», а не «*Для чего ты должен исповедываться?*», хотя удмуртский перевод вопроса соответствует именно второму варианту. Для проверки этого предположения необходимо обратиться к русскому тексту рукописи, представленной в Синод. Ильминский в своей книге его, к сожалению, не приводит. В настоящее время эта рукопись хранится в Российском государственном историческом архиве в составе дела под шифром РГИА. Ф. 796. Оп. 84. Д. 4 [Туранов 2019, 100].

В результате исследования на основе сохранившихся источников удалось подробно и хронологически точно описать историю создания в 1803 г. удмуртских переводов христианских вероучительных текстов и молитв в Глазовском уезде Вятской губернии и ответить на вопросы, поставленные предшественниками еще в конце XIX – начале XIX вв., остававшиеся невыясненными более ста лет.

Установлено, в частности, что в Вятской епархии работа по созданию переводов началась 11 февраля 1803 г., после получения указа Святейшего Синода от 22 января 1803 г.

В Глазовском уезде датой начала деятельности по созданию переводов на удмуртский язык можно считать 26 февраля 1803 г., когда духовным правлением был получен из консистории первый указ о переводах от 23 февраля 1803 г. В течение марта через благочинных священников в уезде был проведен опрос духовенства с целью выявления лиц, способных к выполнению перевода. Поскольку среди священнослужителей ни в одном из трех благочиннических округов желающих заняться переводом не нашлось, духовное правление предприняло меры понуждения: знающие удмуртский язык священнослужители были вызваны в Глазов в приказном порядке.

К 10 мая в духовное правление для выполнения переводов явились четыре священника из ближних сел: Н. Невоструев, З. Кротов, С. Анисимов и А. Бабайлов, которые к середине мая составили перевод «Сокращенного катихизиса, для обучения отроков» митрополита Платона, Символа веры и нескольких молитв, выбранных по своему усмотрению.

Однако новым указом 18 мая консистория определила перечень молитв для перевода и запретила собирать переводчиков в Глазове. Правление разослало к участвовавшим в первом переводе священникам указание об исполнении недостающих переводов молитв. Часть из них в скором времени перевел и к 17 июня прислал в духовное правление А. Бабайлов.

11 июля оба перевода – выполненный в мае четырьмя священниками сообща и выполненный в июне А. Бабайловым в одиночку – были отосланы в консисторию. 18 сентября они были представлены к архиерею, рассмотрены, исправлены, переписаны и 28 сентября отправлены в Святейший Синод.

Н. Невоструев и З. Кротов дополнительно перевели на удмуртский язык 50-й псалом и молитву «*На сон грядущим*», но сделали это с большим запозданием, поэтому их перевод в Синод отослан не был.

В комплексе все выявленные и изложенные выше сведения, восстановленный порядок, хронология и обстоятельства действий по созданию переводов позволяют утверждать, что:

– отмеченное Ильминским качественное различие двух частей перевода обусловлено особенностями их исполнения разными переводчиками с различным уровнем образования. Одна часть выполнена А. Бабайловым, не имевшим семинарского образования. Другая – сообща священниками Н. Невоструевым, С. Анисимовым, З. Кротовым и А. Бабайловым, из которых трое первых имели семинарское образование и навыки составления переводов;

– причинами несоответствия состава перевода, представленного в Синод, перечню, определенному указом консистории, являются: 1) исполнение одной его части до получения перечня, с выбором молитв по собственному усмотрению, и 2) задержка с исполнением перевода некоторых из недостающих молитв;

– в качестве оригинала для перевода катехизиса был принят «Сокращенный катехизис, для обучения отроков», в котором содержится тридцать один вопрос с ответами; этот катехизис был переведен в полном объеме;

– сверке и правке в консистории был подвергнут только «славяно-русский» текст, приведенный в качестве оригинала для перевода;

– кроме текстов, представленных в Синод, священники Н. Невоструев и З. Кротов к октябрю 1803 г. выполнили перевод 50-го псалма и молитвы «*На сон грядущим*». Об этом переводе ранее известно не было, тексты считались неперевоенными, настоящим исследованием факт установлен впервые.

Кроме того, нами уточнено современное местонахождение рукописи перевода, представленной из Вятской епархии в Синод. Это в перспективе позволяет использовать полный оригинальный текст перевода, присланного в Синод, а не его сокращенную публикацию в книге Ильминского. В частности, это актуально при изучении перевода катехизиса, представленного в книге едва ли лишь третьей частью от его полного объема.

Помимо этого, выявлена ранее неизвестная рукопись перевода на удмуртский язык «*Молитвы на сон грядущим*» и «*Псалма Давыдова пятидесятого*», составленного в 1803 г. священниками Н. Невоструевым и З. Кротовым. Рукопись сама по себе является памятником удмуртской письменности, но особая ее ценность в том, что она представляет собой оригинал, собственноручно созданный переводчиками, содержащий исправления, которые отражают их творческий поиск и позволяют судить о самом процессе работы над переводом. В перспективе рукопись может быть использована при изучении других удмуртских переводов, выполненных в Глазовском уезде в первой четверти XIX в., а также как своеобразный ключ для идентификации самих переводчиков.

В результате исследования в научный оборот вводятся ранее неизвестные источники, открывающие новые возможности в изучении становления удмуртской письменности и удмуртского литературного языка.

СОКРАЩЕНИЯ

РГИА — Российский государственный исторический архив;

ЦГАКО — Центральный Государственный архив Кировской области;

ЦГА УР — Центральный Государственный архив Удмуртской Республики

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Ильминский Н. И. Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. Казань, 1885. 356 с.

Камитова А. В. Переводная литература христианского просвещения на удмуртском языке XIX – начала XX в.: история развития, жанровое своеобразие и переводческие стратегии. Ижевск, 2017. 218 с.

Каракулов Б. И. История удмуртского литературного языка: XVIII–XXI века. Ижевск, 2006. 208 с.

Луппов П. Н. О первых вотских переводах источников христианского просвещения. Казань, 1905. 25 с.

Луппов П. Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX в.: Исследование. Вятка, 1911. 589 с.

Туранов А. А. К истории перевода христианских текстов на удмуртский язык в 1803 г.: перевод катехизиса // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2019. № 2(7). С. 97–102.

Туранов А. А. Памятники удмуртской письменности: неизвестные переводы «Молитвы на сон грядущим» и «Псалма Давыдова пятидесятого» // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 2. С. 332–339.

Чураков В. С. Памятники письменности удмуртского языка начала XIX в. (речь по случаю коронации Александра I (1801) и удмуртская грамматика З. Г. Кротова (1816)) // Полиэтнический мир Евразии: проблемы взаимовосприятия: Сб. статей. Ижевск, 2016. С. 373–378.

Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство. XVI – начало XX века. Ижевск, 2001. 434 с.

ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 31.

ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 29.

ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 9.
ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 10.
ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 21.
ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31.
ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 33.
ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 333.
ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1053.

Поступила в редакцию 17.12.2020

Туранов Андрей Алексеевич,
магистр истории
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
e-mail: at63@mail.ru

A. A. Turanov

TO THE HISTORY OF THE TRANSLATION OF CHRISTIAN TEXTS INTO THE UDMURT LANGUAGE IN THE GLAZOV COUNTY OF THE VYATKA GOVERNORATE IN 1803

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-102-115

The article deals with the history of the first translations of Christian religious texts and prayers into the Udmurt language in Glazovsky Uyezd of Vyatka Governorate. Involvement in the study of archival documents from the funds of the Vyatka spiritual Consistory and Glazovsky spiritual Board allowed the author to describe in detail – chronologically accurately and thoroughly – the process of creating translations, to identify the authors of the translation of specific texts. In particular, it was established that at the initial stage there were no volunteers among the clergy of Glazovsky uyezd willing to engage in the compilation of translations. The spiritual Board turned to coercive measures and itself appointed translators from among the clergy who knew the Udmurt language, ordering them to appear for translation in Glazov. The first translation was performed jointly by priests N. Nevostruev, Z. Krotov, S. Anisimov and A. Babaylov ahead of events – even before receiving the list of texts assigned for translation. After receiving the list, the translation of the missing texts was carried out by the same persons individually, but only one of the translators sent his translation to the Glazov Board in time. In early July, translations from Glazov were sent to Vyatka. In the ecclesiastical Consistory the translations were checked and rewritten. As a result, the Synod was presented with a translation composed of two parts, one of which was performed by 4 priests together, and the other-alone by A. Babaylov.

The study of the circumstances of the creation of the translation allowed to give answers to questions that remained unexplained for more than a hundred years, and to reveal new, previously unknown facts, including the previously unknown manuscript of the translation by N. Nevostruev and Z. Krotov.

Keywords: Udmurt translation, Udmurt language, Christian texts, prayer, creed, catechism, priest, translator, manuscript, Vyatka diocese, Glazovsky Uyezd.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 1, pp. 102–115. In Russian.

REFERENCES

И'минский Н. И. *Опыты переложения християнских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текучего столетия* [In the beginning of the book in the Tatar language, and other current indigenous adaptations of Christian doctrinal Experiments of the century]. Kazan', 1885. 356 p. In Russian.

Камитова А. В. *Переводная литература християнского просвещения на удмуртском языке XIX – начала XX в.: история развития, жанровое своеобразие и переводческие стратегии* [Translated literature of the Christian education in the Udmurt language of the 19th – early 20th centuries: history of development, genre originality and translation strategies]. Izhevsk. 2017. 218 p. In Russian.

Karakulov B. I. *Istoriya udmurtskogo literaturnogo yazyka: XVIII–XXI veka* [History of the Udmurt literary language. XVIII – XIX centuries]. Izhevsk. 2006. 208 p. In Udmurt and in Russian.

Lupov P. N. *O pervykh votskikh perevodakh istochnikov khristianskogo prosveshcheniya* [About the first Votyak translations of the sources of Christian enlightenment]. Kazan', 1905. 25 p. In Russian.

Lupov P. N. *Khristianstvo u votyakov v pervoi polovine XIX v.: Issledovanie* [Christianity among the Votyaks in the first half of the XIX century: a Study]. Vyatka, 1911. 589 p. In Russian.

Turanov A. A. *K istorii perevoda khristianskikh tekstov na udmurtskii yazyk v 1803 g.: perevod katekhizisa* [On the history of translation of Christian texts into the Udmurt language in 1803: translation of the Catechism]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya* [Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region], 2019. No. 2(7). Pp. 97–102. In Russian.

Turanov A. A. *Pamyatniki udmurtskoi pis'mennosti: neizvestnye perevody "Molity na son gryadushchim" i "Psalma Davydova pyatidesyatogo"* [The monuments of Udmurt writing: unknown translations of "The Prayer for Sleep" and of "The Fiftieth David's Psalm"]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies]. 2020. Vol.10. Issue 2. Pp. 332–339. In Russian.

Churakov V. S. *Pamyatniki pis'mennosti udmurtskogo yazyka nachala XIX v. (rech' po sluchayu koronatsii Aleksandra I (1801) i udmurtskaya grammatika Z. G. Krotova (1816))* [Monuments of writing Udmurt language of the early XIX century (speech on the occasion of the coronation of Alexander I (1801) and Udmurt grammar Z. G. Krotov (1816))]. *Poliehtnichnyi mir Evrazii: problemy vzaimovospriyatiya: Sb. statei* [The multi-ethnic world of Eurasia: problems of mutual perception: Studies]. Izhevsk, 2016. Pp. 373–378. In Russian.

Shumilov E. F. *Khristianstvo v Udmurtii. Tsivilizatsionnye protsessy i khristianskoe iskusstvo XVI – nachala XX veka* [Christianity in Udmurtia. Civilizational processes and Christian art of XVI – early XX century]. Izhevsk, 2001. 434 p. In Russian.

TsGAKO. F.237. Op.1. D.31.

TsGAKO. F.237. Op.70. D.29.

TsGA UR. F.134. Op.1. D.9.

TsGA UR. F.134. Op.1. D.10.

TsGA UR. F.134. Op.1. D.21.

TsGA UR. F.134. Op.1. D.31.

TsGA UR. F.134. Op.1. D.33.

TsGA UR. F.134. Op.1. D.333.

TsGA UR. F.134. Op.1. D.1053.

Received 17.12.2020

Turanov Andrey Alekseevich

Magister of History,

Udmurt State University

Universitetskaya st., 1, Izhevsk, 426034, Russian Federation

e-mail: at63@mail.ru